

Література

1. Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 159-181.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: ООО “Изд-во АСТ”: ЗАО НППП “Ермак”, 2004. – 730 с.
3. Бурдые П. Формы капитала [Электронный ресурс] / П. Бурдые // Экономическая социология: электронный журнал. – Т. 3. – № 5. – 2002. – Режим доступа : http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf
4. Патнам Р. Творення демократії. Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р. Д. Патнам, Р. Леонарді, Р.Й. Нанетті . – К. : Основи, 2001. – 302 с.
5. Конотопенко О.П. Соціальний капітал і його необхідність для формування громадянського суспільства в сучасній Україні [Текст] / О.П. Конотопенко // Вісник інституту історії, етнології і права // Збірник наукових праць. Вип. 7. – Вінниця, 2009. – С.103-107.

Левицкий Виктор Сергеевич

кандидат философских наук, директор
Украинского института стратегий
глобального развития и адаптации

ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА: ЕВРОПА И РАЗРУШЕННОЕ БУДУЩЕЕ

Состояние современной эпохи характеризуется страхом, отчаянием, неопределенностью. Кто-то может сказать, что это характерно только для локальностей военных конфликтов, природных катаклизмов либо социальных катастроф. Но тогда почему главными европейскими донорами для отрядов ИГИЛ являются наиболее развитые страны ЕС, или почему все большее количество жителей «первого мира» впадают в депрессию, «заставив» ВОЗ признать ее (депрессию) болезнью. Другие, наоборот, могут сказать, что всегда так было: и «абсурд» Ф. Кафки, и «заброшенность» М. Хайдеггера, и «бессмысленность» А. Камю, и «тошнота» Ж.-П. Сартра – все это поэтико-философское выражение и осмысление того же самого. Чувство оставленности пред-/ межвоенного поколения действительно является чуть ли не сущностной его характеристикой, но каждый из авторов попытался хотя бы обозначить свой вариант выхода, обосновывая шанс на надежду, конструируя свой вариант «гуманизма». Сегодня же, в первую очередь, мы имеем дело с совершенно иной интеллектуальной атмосферой.

Начиная, как минимум, с эпохи Средневековья, человечество всегда пребывало во власти какого-то телеологического гранднарратива, который и придавал смысл жизни, а значит и давал силы жить. Сначала человечество вела

идея скорого наступления Царства Небесного, или хотя бы надежда на попадание в него после смерти. После трансформационных процессов времен Возрождения-Реформации, возвестивших наступление секулярной эры, место религиозного метанарратива заняли его суррогаты. Наиболее жизнеспособные и влиятельные ведут историю своего предельного обоснования со времен классического немецкого идеализма. Марксово теоретическое обоснование неизбежности коммунистической стадии развития человечества повлекло за собой практику мировой революции и движение к окончательному освобождению человеческой сущности. Одна треть нашей планеты и минимум четыре поколения были уверены, что строят коммунизм, а будущее имеет совершенно понятные и прогнозируемые очертания. Даже если где-то либо когда-то реальность (действительное) не совпадала с ее идеальным образом (должное) – это совершенно не являлось проблемой, ибо частности не могут отменить общего правила, а законы исторического развития (истмат), надежнее, даже, чем законы физики, которые неоднократно пересматривались самими физиками. Главное – человечество находится внутри исторического процесса, который само и создает, и направляется к понятной и известной цели, делающей все действия осмысленными и выстраивающей их в единый логический ряд.

Другой вариант современного гранднарратива – либерализм. Начав свою одиссею минимум в трудах Локка и получив целостное обоснование в работах Канта, он, претерпев множество видоизменений, присоединив даже приставку нео-, в некоторой степени оказался более жизнеспособен, чем коммунизм. Тем не менее, это такой же метарассказ, как и марксистская утопия. Разница только в том, что, как минимум, в последней его версии впереди нас ждет не коммунистическое светлое будущее, а общество всеобщего благосостояния. Коротко говоря, рассказ выглядит следующим образом: метод правильного общежития найден (как политического так и экономического), верное пользование им ведет всех (сначала немногих избранных, но со временем всех остальных) к преуспеванию, стабильному развитию и, в конце-концов, всеобщему процветанию. Этот нарратив также убеждает, что независимо от того, как бы не было тяжело сейчас – впереди известное, а главное достойное будущее, ради которого можно и потерпеть – образ будущего определен.

Однако, как в теоретическом так и в практическом дискурсах гранднарративы были опровергнуты. Чуть ли не главный пафос постмодернистской философии сводился к деконструкции просвещенческого гранднарратива. Ж.-Ф. Лиотар [1], М. Фуко [2], Р. Рорти [3] обосновали в своих работах, с одной стороны, тотализирующие свойства и последствия любого метанарратива, с другой, показали его метафизическую природу и зависимость от доминирующего словаря в одно и то же время. После их крестового похода против просвещенческой парадигмы даже мыслителям, не разделяющим постмодернистской методологии, оказалось куда сложнее обосновывать любые формы гранднарратива.

Практическое же измерение является в этом аспекте саморепрезентативным. Падение Берлинской стены, а за ней и всего

социалистического лагеря явилось практическим самоотрицанием коммунистической утопии (даже не смотря на китайское коммунистическое настоящее). Но возвещенного после этого либерального «конца истории» тоже не состоялось. Теория стабильного развития все больше оказывается под огнем критики, неолиберальная программа, активно критиковавшаяся и ранее, но в основном только в кругу антиглобалистов, начинает пересматриваться и в самом центре неолиберального мира – в МВФ [4], а идею построения общества всеобщего благосостояния пришлось сдать в архив¹. История оказалась без цели, а будущее неопределенным.

В результате этого, следуя логике Ивана Карамазова, можем сказать, что «если Бога (цели – Л.В.) нет, то все позволено», а от себя добавить, действительно, в таком случае оказывается, все возможно, но ничего *не гарантировано*. Будущее настолько открыто, что даже не понятно какое оно *должно быть*. Теперь не просто не понятно, *как* идти, не ясно даже *куда*. Это, пожалуй, впервые, когда не только никто не знает, чем все закончится (так было всегда), но мы и не имеем консолидированного образа будущего, не понятно какие идеи должны выступать маяком, объединяющим человечество²[3]. Гранднарратив, предающий осмысленность человеческой деятельности, сегодня невозможен, а без него любое движение превращается в беспорядочный набор действий, хаотично разбросанный в несистематизированном социальном пространстве.

Таким образом, от Средневековья до конца XX века процессы в обществе предзадавал тот или иной гранднарратив (Царство Небесное, Мировая Революция, либерализм). Сегодня можно констатировать теоретическое и практическое разрушение данной метаидеологии. Вектор движения мировых общественных процессов больше не задан, а значит имеем настоящее с открытым будущим и без малейшего ориентира относительно его природы. Нахождение в таком неопределенном пространстве без четко очерченных рамок вызывает чувство бессмысленности и отчаяния даже у представителей «золотого миллиарда». Деконструкция и эмансипация привела к крушению всех гранднарративов, жизнь же без них оказалась пустой, а часто и напрасной.

Искусственно гранднарратив не создашь – естественные (исторические) мы разрушили своими руками.

¹ Прекариат, как новый опасный класс, «новые бедные», увеличение дисбаланса как между богатыми и бедными внутри одной страны, так и между «богатыми» и «бедными» странами показывает утопичность идеи общества всеобщего благосостояния. А, например, планы по строительству стены между США и Мексикой отрицает универсальность самой идеи всеобщности.

² Человек всегда находился в лоне Бытия, имея известную цель, к которой нужно стремиться. Бытие мифа, Божественное бытие Средневековья, История как бытие в Модерной парадигме позволяли чувствовать Причастность к чему-то большему, настоящему, святому, стремление к чему оправдывало единичную жизнь индивида. Опровержение (релятивизация) телеологичности разорвало цепь Бытия, в результате чего человек надеялся получить полную свободу, а на самом деле оцепенел от бессмысленности. Вместо Единого Истинного Бытия на всю жизнь, прагматический суррогат бытия на каждый день.

Литература

1. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна: [пер. с франц. Н. А. Шматко] / Жан-Франсуа Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Фуко, М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году: [пер. с франц. А. В. Дьякова] / Мишель Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
3. Rorty, R. Moral Universalism and Economic Triage / Richard Rorty // Materials of UNESCO Philosophy Forum, Diogenes 173 (Spring, 1996), p. 3-15.
4. Ostry, J.D. Prakash Loungani, and Davide Furceri Neoliberalism: Oversold? / Jonathan D. Ostry, Prakash Loungani, and Davide Furceri // Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 2.

Лютко Наталія Віталіївна
кандидат політичних наук,
доцент Хмельницький
національний університет

ПРОБЛЕМА ФОРМУВАННЯ ДЕМОКРАТИЧНИХ ПОЛІТИЧНИХ ЦІННОСТЕЙ У ТРАНСФОРМАЦІЙНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

Алгоритм структурних змін до оцінки ситуації в Україні засвідчує, що наша країна поки що не досягла рівня прийняття рішень стосовно фундаментальних цінностей. Якщо цивілізаційна ідентифікація тією чи іншою мірою визначається твердженням (хоча б декларативним) про європейський вибір, то культурна і національна ідентифікація в Україні ще не завершена. Про що, зокрема, свідчить гострота мовного питання, суперечливість оцінок історичного минулого, незавершеність процесу культурної ідентифікації, певна розмитість ціннісних орієнтирів.

Метою нашого дослідження є виявлення специфіки формування демократичних політичних цінностей у трансформаційному суспільстві.

Поняття «трансформація» як теоретичний інструмент аналізу сучасних соціальних змін має важливий евристичний потенціал. Оскільки це поняття є нейтральним стосовно оцінки динаміки суспільного процесу, то воно дає змогу аналізувати не тільки прогресивні його тенденції, але й увесь спектр тенденцій соціальних змін, які можуть бути зворотними і незворотними, прогресивними і регресивними, революційними й еволюційними, цілеспрямованими і стихійними, системними і частковими тощо. Поняття «трансформація», акцентуючи увагу на саморегульованому і самокоректованому характері соціальних змін, орієнтує також на аналіз широкого спектру детермінаційних чинників цих змін – об'єктивних і суб'єктивних, постійно діючих і ситуаційних, внутрішніх і зовнішніх, керованих і некерованих, тих, що стосуються цілепокладання, і тих, що стосуються засобів досягнення